

— Вращаясь.

К нам приехал итальянский ревизор

Сегодня на Чеховском фестивале покажут Гоголя в постановке **немецкого режиссера МАТИАСА**

ЛАНГХОФФА в итальянском «Театро ди Дженова». Матиаса Лангхоффа можно назвать действительно европейским режиссером: он начинал работать у Брехта, продолжал в «Комеди Франсез», руководил швейцарским театром Види-Лозанн, был содиректором Берлинер Ансамбля, ставил в Германии, Франции, Швейцарии, Италии.

— Господин Лангхофф, а где находится ваш дом? Не набоковско-гостиничный, а настоящий?

— Я думаю, что такого дома у меня нет. Видимо, это связано с историей моего детства. Я родился в Швейцарии во время второй мировой войны, когда мои родители были в изгнании. Детство провел в очень замкнутом эмигрантском кругу. Все разговоры там велись в том русле, что Германия — самая прекрасная страна на свете. Она захвачена злыми силами, но как только все закончится, мы туда вернемся. Швейцария была чем-то вроде зала ожидания. Но когда после войны я оказался в Германии, испытал шок. И не я один — рая там не было. Да не то что рая. Воюющий народ — это страшно, но проигравший войну народ — еще ужаснее. Все гуманное было разрушено. И не руины меня тогда испугали, а сами люди. Их взгляды.

— Ваш родной язык — немецкий. Но интервью вы даете на французском, ставите на итальянском...

— С итальянским у меня пока плохо. По-русски я не говорю, но читать могу. Работать на другом языке тяжелее физически. Но: когда вы общаетесь на иностранном языке, вы говорите то, что действительно считаете нужным сказать, а не какие-то расхожие фразы, принятые в вашем родном языке. Что касается немецкого театра, иногда я что-то ставлю в Германии, но редко. И из Франции хочу уехать. Возможно, осежу в Италии. В путешествиях я удовлетворяю свою потребность узнавать о новых вещах. Правда, это уже становится утомительным. Эти комнаты в гостиницах, самолеты...

— Вы как-то обмолвились, что больше знамениты там, где женились. В какой стране это случилось?

— Три мои жены живут в Германии. Одна в Швейцарии. Одна во Франции...

— От работы в Африке у вас остались приятные впечатления?

— Более чем. В Буркина-Фасо я ставил «Прометея» Эсхила. Пьесу о необходимости защищать право на сопротивление тирании в жизни. Мне было важно сделать «Прометея» именно там, где абсолютная диктатура правительства. Премьера была обставлена очень торжественно. Приехал президент. Актеры находились в панике: мы даем спектакль о сопротивлении властям, а эти власти могут без всяких проблем запретить этот театр лет так на тридцать. Да и я приезжал, чтобы помочь бедному театру, а не для того, чтобы их вообще закрыли. За полчаса до начала я пытался актеров как-то приободрить, мол, сейчас-то мы уже ничего не можем сделать... И как назло, во время представления публика очень правильно на все реагировала. Видно было, что это политическая реакция, что все идет как надо. Я думал: в кои-то веки молно, чтобы зрители ничего не поняли, а они все понимают! После ко мне подошел огромный негр из охраны президента, такой молодец черный, и сказал: ну, ты, давай к президенту. Я был готов ко всему. Ослушаться не представлялось возможным. Но так получилось, что президент первый раз в жизни был в театре. И он как ребенок: музыка, картинки, декорации — сон. Он был просто заворочен и спросил, нет ли во Франции видеозаписи древнегреческих трагедий, так как он понял, что это именно то, что его сейчас интересует.

— А диктатуру в режиссуре вы приемлете?

— Режиссер не должен быть диктатором. Но режиссерам свойственна мания величия. Он считает, что на площадке он царь и бог и все будет так, как он хочет. На самом же деле сценарист совершенно не обязан думать так же, как и режиссер, и актер не обязан видеть текст так, как режиссеру видится. В театре

распространено представление о режиссере, как о человеке, который за все отвечает и от которого все зависит. Но это опасно прежде всего для него самого — он же режиссер спектакля, а не полицейский.

— Вы говорили, что в начале репетиции для вас важно сказать все, что вы обдумали. А в конце — посмотреть, насколько это непохоже получилось. И что, когда сходство существенное, у вас возникают грустные ощущения. В «Ревизоре», который вы привезли в Москву, велика ли разница между первоначальным замыслом и конечным результатом?

— Этого «Ревизора» я поставил сначала во Франции, и там замысел и конечный результат были различны. Когда меня попросили сделать «Ревизора» на итальянском языке, я взял ту же самую декорацию, она была перепродана из Франции в Италию. Два спектакля похожи, даже четверо французских актеров заняты в итальянской версии. Но он создан на новой почве в другом театре.

— Откуда такая стойкая любовь к Гоголю?

— Это связано с двумя вещами в моей биографии и с моим интересом к русским, который сопровождал меня всю жизнь. Когда после войны родители привезли меня в Германию, мы находились под покровительством Красной Армии, благодаря которой я мог жить там, а не за границей, и не кончить жизнь в газовой камере. Одна деталь: когда родители возвращались в Германию, все пожитки были собраны, немного их было, но тем не менее багаж ехал поездом, на дорогах промышляла куча воров, и все наши вещи вскрыли и растащили. Единственным предметом, который из всего семейного добра остался, оказалась книжка по русскому театру. Видимо, вор-немец по идейным соображениям про русский театр читать книжку не захотел... Там были фотографии о некоем театре Мейерхольда. Я пытался выяснить, кто же такой этот Мейерхольд, но его имя уже было под запретом. По книжке, просто оптически по фотографиям, я видел, что это тот театр, который меня интересует. Не случайно потом я оказался в театре Брехта. И скорее интерес к Мейерхольду привел меня к Брехту, чем наоборот.

А еще «Ревизор» был первым спектаклем, который я увидел в Берлине после войны, будучи ребенком. Хлестакова играл Курт Буа, выдающийся актер, он был евреем, во время фашизма жил в Америке. А чиновников играли актеры, звезды, которые сделали себе карьеру при фашизме. Фашизм кончился, а актеры-то никуда не делись, театр все тот же остался. Они были все очень толстые, и вдруг среди них этот пожилой худенький человек... Страх ими двигал вполне реальный — времена изменились, волнения по поводу того, вылезет наружу, что я говорил «хайль Гитлер», или нет, были обоснованными...

— Какова природа страха сегодняшнего «Ревизора»?

— Вот у нас сейчас Евросоюз. Но, на мой взгляд, чем больше европейские страны сближаются, тем больше они замыкаются в своем провинциализме, в своем мелком мире. И вы не найдете человека более коррумпированного, чем европейский политик! Наша политика вся основана на страхе, все министры трясутся. Действует это очень подавляюще. Особенно потому, что люди даже не пытаются понять этого. А в «Ревизоре» все дано в смешной форме. Приятно задуматься и при этом не страдать. Так что пьеса времени созвучна. Произведения ведь всегда живут своей жизнью, возможно, совершенно иной, чем когда-то предполагал их автор.

БЕСЕДОВАЛА ИРИНА КОРНЕЕВА